

Д. В. КОНКИН*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)***РОССИЙСКИЕ ПОМЕЩИКИ В КРЫМУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.): НОВЫЕ ЛЮДИ СО СТАРЫМИ ВЗГЛЯДАМИ¹**

Аннотация: После присоединения Крыма к Российской империи между российским помещиками и местным мусульманским населением стали возникать взаимные претензии в отношении прав на земли, границ земельных наделов и возможностей ими пользоваться. В ходе решения земельных споров неизбежно проявлялись различные фобии и предрасудки российских помещиков в отношении крымских татар. Антитатарская позиция части новоприбывших землевладельцев в Крыму не находила поддержки в итоговых решениях имперской власти. В целом можно сделать вывод, что случавшиеся в конце XVIII – начале XIX вв. конфликты между старожильческим населением Крыма и российскими помещиками имели в первую очередь экономическую основу и лишь в качестве дополнительной аргументации переносились в конфессиональную или этническую плоскость. Применяемая российскими помещиками антитатарская риторика служила главным образом средством убеждения правительства в сохранении спорной собственности, и, как показала практика, не имела воздействия на конечные решения имперской власти.

Ключевые слова: Российская империя, крымские татары, земельные отношения, российские помещики.

После присоединения Крыма к Российской империи едва ли не главной проблемой, с которой столкнулась царская власть на полуострове, стала малонаселенность региона. Логичным ее решением являлись мероприятия по привлечению на полуостров новых жителей. Одним из важных элементов переселенческой программы были бесплатные раздачи крымских земель помещикам из внутренних российских губерний под обязательства их заселения рабочими людьми. Отношения новоприбывших помещиков с местным мусульманским населением выстраивались различными способами и зависели от многочисленных

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

сопутствующих факторов. При этом земельная сфера стала, пожалуй, наиболее конфликтной зоной взаимодействия. Российская власть изначально деклариовала незыблемость традиционных прав и обычаев местных жителей². В то же время раздачи наделов на полуострове происходили без качественного учета фонда земель крымскотатарских собственников, в число которых в 1794 г. были законодательно включены и лично свободные крымскотатарские крестьяне-общинники («татары-поселяне») (сенатский указ от 9 ноября 1794 г. [28, т. 23, № 17265, с. 585–589]). Между помещиками и старожильческим населением возникли взаимные претензии в отношении прав на земли, границ земельных наделов и возможностей ими пользоваться [13, с. 627–640; 14, с. 483–501].

Проблемам земельных конфликтов, возникших в Крыму после присоединения к Российской империи, были посвящены работы ряда отечественных исследователей. В имперский период следует отметить, прежде всего, труды Ф. Ф. Лашкова [18, с. 50–71; 19, с. 29–88], А. Воскресенского [5], А. Г. Завадовского [8]. В советское время данному вопросу уделяли внимание И. Медведева [24], С. А. Секиринский [32]. В современных условиях наиболее подробно отдельные аспекты интеграционных проблем, включая земельные отношения, были освещены в нескольких обобщающих сборниках и монографиях [23, с. 7–99; 29; 17, с. 101–155].

Хотя в последнее время наблюдается активизация усилий по изучению заданной проблематики, по-прежнему в стороне от исследовательского интереса остаются аспекты культурных, идеологических различий внутри формировавшегося крымского сообщества имперского периода. Необходимо помнить, что если в современном восприятии большинства россиян Крымский полуостров является колыбелью русского православия, героико-патриотическим историческим центром и, наконец, популярным курортом, с замечательным морем и многочисленными достопримечательностями, то двести с лишним лет назад Крым для Российской империи являлся абсолютно чуждой территорией, населенной извечными военными противниками. Несмотря на очевидный антагонизм двух государств, присоединение Крымского ханства к России прошло удивительно спокойно и стало одним из первых опытов мирного освоения православной империей мусульманской окраины. Через Крым происходило «открытие» мусульманского Востока западноориентированным российским светским обществом [6, с. 199–204; 36, р. 3–25]. Огромная цивилизация ислама со своими традициями, правилами, философией стала объектом познания и интеграции, а не подавления российской властью [29]. На изучение новообретенного края были направлены усилия государственных деятелей, чиновников, исследователей [см.: 7; 34; 15; 16]. Различные проявления традиционной культуры исламского мира через Крым и

² См.: Манифест от 8 апреля 1783 г. [28, т. 21, № 15708, с. 897–898]; именной указ Г. А. Потемкину от 28 июля 1783 г. [28, т. 21, № 15798, с. 985–986]; сенатский указ от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области» [28, т. 22, № 15920, с. 17–18].

в Крыму открывались теперь и для столичного «высшего света», представители которого все чаще появлялись в южной провинции, и для рядовых чиновников, помещиков, оказавшихся здесь по долгу службы или в поисках «лучшей жизни».

В ходе решения имущественных споров, при доказательстве своих прав на полученные наделы со стороны новоприбывших землевладельцев неизбежно проявлялись различные фобии и предрассудки в отношении местного мусульманского населения. Это, прежде всего, были «архетипичные» фобии в отношении татар в целом, как захватчиков русских земель, традиционных военных противников, авторов многочисленных разорительных походов. Имевшие место в прошлом набеги татар на российские территории напрямую никак не были связаны с проблемами крымского землеустройства, возникшими после присоединения Крыма к России. Но часто именно подобные широко распространенные в российском обществе стереотипы таврические помещики использовали в качестве важного аргумента в защиту своих собственных прав в письменных обращениях к императору и высшим чиновникам.

Так, местные помещики Федор Поляков и Евстафий Сарандинаки, получившие наделы в Крыму еще в 80-х гг. XVIII в. [20, с. 99, 153], в 1802 г. были выбраны депутатами от дворян Таврической губернии христианского исповедания в землеустроительную комиссию, которая должна была решать земельные конфликты в Крыму. Свои взгляды и общую позицию местных помещиков-христиан они оформили в виде прошения к имперскому правительству [21, с. 46–52; ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 306, л. 1–6]. В самом начале своего обращения «напоминали», что *«нет нужды здесь говорить о кровопролитии, грабительствах и разорении в российских пределах набегами жителей Крымского полуострова издревле наносимых. Сие известно всему свету»* [21, с. 47]. Далее в документе, который должен был убедить правительство в законности помещичьих владений, депутаты продолжали исторический экскурс во времена существования Крымского ханства. В 1772 г., писали они, татары силой русского оружия были побеждены и присягнули российской короне. Но быстро стали нарушать присягу (*«...в нарушении таковой не замедлили»*), и где было возможно найти малочисленные команды российских войск, убивали их (*«...забыв клятву свою, не только открыли воинское действие во многих частях Крыма против войск российских, делая повсюду набеги большими толпами, с причинением великого кровопролития, но и бывших при посланнике Веселицком чиновников и служителей вырезали»*)³. Эти провокации прекратились после заключения Кючук-Кайнарджийского договора, согласно которому ханство получило независимость. Но крымские татары были недовольны правлением сначала Сахиб-Гирея II, затем Шагин-Гирея, началось «внутреннее смятение», и тогда последний крымский хан обратился за помощью к России, в результате чего мятеж был подавлен. Но в 1782 г. произошло новое волнение и

³ Имелся в виду эпизод с мятежом в Крыму и высадкой турецкого десанта на полуостров в июле 1774 г. См.: [22, с. 126–146].

тогда Россия, *«яко соседственная держава»*, снова ввела войска в Крым. Татары, *«не видя в злых своих начинаниях успеха»*, и чтобы спасти себя *«от справедливого наказания»* решили окончательно *«покориться в подданство»* России. Хан же не захотел управлять таким *«буйным народом»* и остался жить внутри империи (самоустранился). Последовавшая затем присяга стала ни чем иным, как *«предметом заглаждения прежних их поступков»*, и причиной *«Монаршего попечения об их наравне с природными подданными»* [21, с. 47]. Однако, по мнению авторов прошения, благосклонность со стороны Екатерины II не подействовала на крымских татар, и как только началась очередная война с Турцией (1787–1791 гг.), стало очевидным пренебрежение их к присяге христианскому государству, в крымских мечетях начались молитвы *«о изощрении меча на погубление христиан»* [21, с. 48–49]. В конце прошения Поляков и Сарандинаки весьма вольно, но логично для себя формулировали цель Екатерины II при раздаче земель в Крыму: *«цель воли Августейшей Монархини была крымские земли раздать по предмету неверности татар...»* [21, с. 49].

Таким образом, исходя из логики авторов прошения, массовые раздачи земель осуществлялись в Крыму исключительно с целью государственной безопасности, а следовательно, не было необходимости возвращать крымскотатарским собственникам изъятую землю, не стоило правительству привлекать к ответственности местных российских помещиков за неисполнению своих обязательств по заселению полученных наделов и т. д. Все эти нарушения меркли по сравнению с озвученной миссией безопасности державы, гарантом которой в Крыму являлись новоявленные землевладельцы-христиане. Обращаясь к правительству нового императора Александра I, внуку и последователю политики Екатерины II, крымские помещики напоминали о всех негативных проявлениях татар в далеком и не очень прошлом, и призывали не принимать решения *«к удовольствию такого народа, который менее заслуживает уважения»* [21, с. 52]. То есть, очевидно, происходила подмена идей и понятий. Вместо правовых доводов, фактических подтверждений, планов, документов на земли, конструктивных предложений по решению земельных конфликтов, мы видим, как аргументация одной из сторон намеренно уводилась в эмоциональную плоскость, экономическая и правовая оценка событий заменялась идеологическими обоснованиями. Депутаты-помещики намеренно концентрировали негативные оценки крымскотатарского населения, чтобы вопросы прав собственности рассматривались не в юридическом контексте, а в политическом, имевшем значение для «государственной безопасности» и внутривластной стабильности в регионе, с надеждой найти, прежде всего, эмоциональный отклик со стороны властей на эти известные и широко распространенные в русском обществе стереотипы в отношении крымских татар и Крымского ханства.

Еще один депутат от «помещиков христианского закона», но в составе другой, действовавшей в Крыму в 1800 г. землеустроительной Комиссии, Александр

Таранов, также считал крымских мусульман народом «во многих политических отношениях вредным» [18, с. 68]. Предлагал не имевших подтверждающих документов на собственность татар Горного и Южнобережного Крыма переселить на казенные земли в степной части полуострова. Благодаря чему, по мнению Таранова, «из ленивых тунядцев, питавшихся продажей плодов, там изобилующих, и беззаконным опустошением лесов, необходимость может сделать их добрыми хлебопашцами и хозяевами полезного скотоводства, состоящего из лошадей, рогатого скота и овец» [18, с. 69].

Схожих взглядов придерживался и Евстафий Иванович Нотара – крупный таврический помещик, которого крымскотатарские мурзы-дворяне акмечетского уезда избрали своим предводителем. В своем секретном рапорте, составленном в январе 1803 г. и адресованном сенатору Ивану Владимировичу Лопухину, предводитель дворянства описывал нелегальные миграционные перемещения крымскотатарского населения, и в конце риторически вопрошал: «Известно в каком порабощении были татары при ханских владениях, и каковым благоденствием ныне они наслаждаются, освобождены будучи от всех податей, от постоя и от рекрутской повинности, пользуясь свободным отправлением веры, и совершенно обеспечены будучи в собственности каждого...; казалось бы чего, чего еще недостает к их счастливому состоянию». А далее следовал ответ в виде обвинительной тирады: «Одна лишь склонность к вероломству и врожденная в них ненависть к христианам заставляет их нарушать верность и клятву в оной учиненную. После сего можно ли положиться на их наружную приверженность к России, и заслуживает ли вероятия присяга их в каком-либо случае против христиан чинимая, особенно где могут найти собственные свои выгоды, когда и не имея в виду оные они всегда нарушить ее готовы...» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 165, л. 7 об.–8]. Нотара, по-видимому, умело скрывал подобные убеждения от местного населения, поскольку в том же 1803 г. смог избраться на следующий высокий пост предводителя дворянства в новообразованной Таврической губернии, где значительную часть выборщиков также составляли крымскотатарские мурзы. По отзывам российских чиновников, он продолжал пользоваться «всеобщим доверием» жителей Тавриды вне зависимости от их национальности и конфессии [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 141–142; ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 660, л. 2–3].

Можно предположить, что вышеперечисленные мнения не были исключительными, и примерно таким был общий взгляд рядовых российских помещиков, который они иногда скрытно, а порой открыто демонстрировали и использовали в качестве аргумента, способного убедить правительство в своей правоте. Сделать это было тем легче, что негативная оценка татар, ислама в целом была весьма распространенной в данное время. Известный российский востоковед Марк Батунский отмечал, что в русской литературе XVIII века обобщенный образ «Татарина» имел стабильно отрицательный контекст, стал символом злобы, уникального коварства и жестокости. И если среди российских авторов порой

находились сочувственные слова в отношении таких, в общем-то, отдаленных от России представителей мусульманского мира, как арабы и персы (см. «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова, «Тахмас Кули-хан» Н. А. Плавильщикова), то подобные оценки нивелировались бескомпромиссным негативным образом татар и турок, которых неизменно представляли в качестве «бывших» (татары) или «нынешних» (турки) врагов [2, с. 204–205; см. также: 33]. Причем крымские татары, как мы видели выше, всегда имели потенциальную возможность стать врагами «будущими»⁴. Что говорить, если даже идеологи европейского Просвещения, непререкаемые модные авторитеты западной образованной публики рассматривали турок и татар в качестве источника постоянных угроз. Вольтер, как известно, старательно и последовательно пытался внедрять в сознание Екатерины II мысль о необходимости борьбы с мусульманской Турцией, рассматривая войну России с ней, как борьбу между варварством и цивилизацией [см.: 6, с. 314–328; 9, с. 106–116; 10, с. 39–45; 30, с. 165–167]. Жан-Жак Руссо вообще апокалиптически предсказывал гибель России, а затем и всей Европы от татар (в широком смысле): «Российская держава пожелает покорить Европу, и сама окажется покоренной, ее подданные – татары – и ее соседи станут сначала ее хозяевами, а потом и нашими: этот переворот мне кажется неизбежным», – писал философ в своем знаменитом «Общественном договоре» [31, с. 153–154].

И хотя публикация писем Вольтера Екатерине II, равно как и русские переводы «Общественного договора» Руссо появились значительно позже рассматриваемых событий, тем не менее в конце XVIII – начале XIX вв. просветительская западная литература в оригинальных изданиях быстро распространялась даже в российской провинции. В. О. Ключевский описывал, как один из малороссийских дворян, гвардеец Винский, за беспорядочную жизнь в столице был осужден и сослан в Оренбург и к своему удивлению обнаружил в библиотеках местного светского общества подлинные произведения Руссо, Монтескье и Вольтера. От скуки занялся переводом этих книг, которые пользовались большой популярностью среди провинциальных помещиков [12, с. 158–159].

Проецируя вышесказанное на крымскую ситуацию, можно предположить, что сложно было простому обывателю, в общем-то, малообразованному таврическому помещику, сохранить объективность и непредвзятость в отношении своих

⁴ Эти опасения в Российской империи, в общественном дискурсе или официальных документах, высказывались постоянно, в особенности, накануне или во время частых русско-турецких конфликтов. Пожалуй, в наибольшей концентрации подобные негативные отклики проявились в период Крымской войны, когда даже предельно осторожные в данном вопросе высшие администраторы империи, включая императора Александра II, поддались распространенному общественному мнению и, например, полуофициально или вполне открыто поддерживали, а порой поощряли эмиграцию крымских татар (см.: [3, с. 45–46]). Впрочем, такая государственная позиция продержалась недолго, и в дальнейшем власти стали принимать меры по прекращению эмиграционного потока (см.: [4, с. 439–444]).

соседей, будучи подвергнутым такой мощной интеллектуальной атаке, как со стороны российских «властителей дум», так и западных интеллектуалов. Поэтому ничего удивительного, что читатели, потребители художественной, философской литературы (а она была широко распространена даже среди провинциального дворянства) часто воспринимали и оценивали «инородцев», отталкиваясь от уже сформированных представлений и образов. И пусть, как правило, окружающая действительность расходилась с литературными портретами, тем не менее, крымским помещикам было выгодно в своих практических интересах не замечать эти несоответствия, а в публичных высказываниях тиражировать, подтверждать негативный стереотип, распространять его среди неподготовленной столичной публики, которая никогда не бывала в Крыму, но с легкостью соглашалась с отрицательными характеристиками и описаниями мусульманского населения полуострова, удачно вписывавшимися в их устоявшиеся представления по данному вопросу.

Наиболее известным и влиятельным выразителем подобного мнения можно назвать адмирала Николая Семеновича Мордвинова, крупнейшего крымского землевладельца. В своих многочисленных обращениях, мнениях, заметках и письмах относительно Крыма он также неоднократно заявлял, что местные татары неблагонадежны, «привержены» туркам, с которыми Россия всегда враждует, не соблюдают присягу и «нисколько не способны» к хлебопашеству и садоводству, считал, что переселение и расселение крымских татар было бы лучшим решением для экономики полуострова [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 13, л. 2–3; 26, с. 201, 211–214]. Небезлюбопытно, что при всей резкости высказываний, взгляды адмирала на крымских татар не имели исключительно исламофобской, антитатарской направленности. Первопричина его возмущения находилась в области экономических отношений и фундаментальных прав и привилегий российских помещиков, риски которым он усмотрел в крымском деле. Помимо того, что он пытался защитить от изъятия свои крымские владения, Мордвинов полагал, что возврат крымскотатарским крестьянам земель в собственность угрожал общероссийским правилам землеустройства, правам помещиков на земельную собственность. В 1818 г., уже будучи известным и авторитетным государственным, общественным (светским) деятелем, либеральным «гуру», к мыслям которого прислушивались первые лица империи, которому император поручил разработать правила по освобождению крестьян, Мордвинов писал своим коллегам по Госсовету, влиятельным сановникам Александру Семеновичу Шишкову, Ивану Васильевичу Туттолмину, Василию Степановичу Попову и графу Юлию Помпеевичу Литте, что разрабатываемые в это время специально учрежденным Таврическим комитетом правила землеустройства Крыма разрушают права собственности и «со временем послужат примером для всех областей Российских», и тогда «...российское дворянство делается низшим сословием, а пань будут крестьяне ваши. В крымском деле я усматривал в самом начале оно не частный вред,

но всеобщий для России, и все подаваемые мною мнения заключали в себе защиту прав собственности и личной свободы...» [РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 1484, л. 25–26 об.]. Таким образом антитатарская риторика была на самом деле только лексическим приемом с помощью которого Мордвинов пытался повлиять на политику правительства в Крыму, угрожавшую, по его мнению, правам всех российских дворян⁵.

Не все крымские помещики разделяли столь радикальные взгляды в отношении местного мусульманского населения. Губернский секретарь Василий Чернов, которому крымские землевладельцы-христиане поручили представлять свои интересы в Новороссийском Комитете, заседавшем в Санкт-Петербурге в начале XIX в., в обращении к генерал-прокурору А. А. Беклешову в 1801 г. заметно меняет риторiku в отношении крымских татар, и уже не прибегал к использованию откровенно враждебных вербальных конструкций. Хотя он считал, как и предыдущие депутаты, что «вообще примечено, что татары не способны к хозяйству...» [21, с. 63]⁶, и «ябеда и алчность к корыстолюбию овладели татарами», которые «легко поддаются увещеваниям» [21, с. 65–66]. Тем не менее, полагал, что крымские татары, равно как и добропорядочные таврические помещики, стали «жертвами обстоятельств». Главными же виновниками в сложившейся тяжелой и противоречивой ситуации в землеустройстве Крыма, конфликтах между старожилами и новоприбывшим населением Чернов считал местных коррумпированных чиновников («явно несправедливые и законопротивные тамошнего начальства поступки» [21, с. 52–56, 65–66]).

Такого же мнения придерживался и представитель от крымскотатарского дворянства Мехмет-бей, которого для получения объективной картины также вызвали в Санкт-Петербург и заслушали в Новороссийском Комитете. Он ничего не говорил о религиозной дискриминации мусульманских жителей Крыма, а источником земельных конфликтов считал нечистоплотных местных чиновников, которые «для собственной корысти стали рассылать слухи между простыми татарами о принадлежности им всех земель в полуострове имеющихся...и посеяв таким образом злобу между помещиками и татарами, и ходатайствуя будто за последних, вовлекли их в бесконечные тяжбы, к крайнему разорению обеих сторон» [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 1, л. 44].

⁵ Следует заметить, что в искренности Мордвинова сомневались еще современники, которые видели в его активности по защите частной собственности в России, прежде всего, заботу о собственном благосостоянии [11, с. 55]. «Славны бубны за горами», – так иронично отозвался император Александр I о «правозащитной» деятельности адмирала, когда в Крыму непосредственно столкнулся с жалобами крымских татар на нарушение их собственных прав со стороны Мордвинова [см.: 25, с. 100].

⁶ Сюжет о «лености» и «безхозяйственности» крымских татар имел большую популярность также и в многочисленных иностранных травелогах, но, по замечанию Н. И. Храпунова, являлся примером стереотипа, порожденного европейской культурой и мировоззрением [35, с. 584–585].

Несмотря на распространенные в российском обществе негативные настроения в отношении крымских татар, педалируемые, как показано выше, в обращениях российских помещиков «с мест», из Крыма, нужно отдать должное высшей имперской администрации, которая шла наперекор общественному мнению, и последовательно настаивала на исполнении законов, гарантировавших защиту имущественных прав старожильческого населения полуострова. На самом высоком уровне российской власти к началу XIX века сложилось мнение, что именно местное население, крымские татары должны стать основой будущего экономического благосостояния полуострова. На состоявшемся 17 апреля 1802 года заседании Непременного совета – формально высшего совещательного органа Российской империи, в состав которого входили ключевые государственные деятели державы, было отмечено, что причиной *«настоящего упадка сей некогда процветавшей страны»* стало *«стеснение прежних ея жителей, понудившее их к переселению из отечества, и настоящее положение оставшихся...»* («Мнение» Непременного Совета от 17 апреля 1802 г. См.: [1, т. 3, ч. 1, стлб. 852–853]). Только *«оставшиеся жители»* (то есть, крымские татары) уберegli *«сей край от совершенного его опустения»*. Поэтому *«для восстановления сей страны»* необходимо было поставить их *«в независимости от притязаний помещиков»*. По заключению членов Непременного совета, предпочтение в решении земельных споров необходимо было отдавать именно татарам, *«яко древнейшим и для блага общаго полезнейшим»* [1, т. 3, ч. 1, стлб. 853].

К вопросам же переселения, отселения крымских мусульман в Санкт-Петербурге подходили крайне осторожно, поскольку право собственности, владения, пользования крымских татар землями гарантировались еще манифестами Екатерины II. И российская власть в дальнейшем очень внимательно относилась к этим документам и их содержанию. Антитатарская позиция части российских помещиков в Крыму не находила сочувствия и поддержки в итоговых решениях имперской власти, что достаточно хорошо доказывается и при анализе законодательных актов рассматриваемого периода, в которых не обнаруживается ни одного откровенно дискриминационного (как, например, в отношении евреев) по отношению к крымским мусульманам документа [27, с. 38–47].

В целом можно сделать вывод, что случившиеся в конце XVIII – начале XIX вв. конфликты между старожильческим населением Крыма и российскими помещиками имели в первую очередь экономическую, хозяйственную основу и лишь в качестве дополнительной аргументации переносились в конфессиональную или этническую плоскость. Применяемая российскими помещиками антитатарская риторика служила главным образом средством убеждения правительства в сохранении спорной собственности, и, как показала практика, не имела воздействия на конечные решения имперской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Государственного совета: в 5 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1869–1904.
2. Батунский М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 191–224.
3. Бекирова Г. Проблема еміграцій кримських татар у російській історичній літературі XIX ст. – 30-х років XX ст. // Studia Turkologica. Воронежский тюркологический сборник. Вып. 4. С. 37–52.
4. [Воронцов С. М.] О выселении татар из Крыма. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова // Русский архив. 1906. № 7. С.439–444.
5. Воскресенский А. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического Земства. 1904. № 6 (март). С. 39–56; № 7–8 (апрель). С. 24–49.
6. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
7. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.
8. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. Симферополь: Тавр. Губ. тип., 1885.
9. Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 106–116.
10. Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
11. Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. СПб.: Типография и литография А. Траншеля, 1878.
12. Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989.
13. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.). // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 627–640.
14. Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 483–501.
15. Конкин Д. В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В. Ф. Зуева и К. И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399.
16. Конкин Д. В. Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму: «дефект описания» // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 448–456.
17. Крым: проблемы истории. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Индрик, 2016.
18. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
19. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 29–88.
20. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 89–158.
21. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24–154.
22. Мальгин А. В. «Покоренье Крыма» 1768–1774. Симферополь: СОНАТ, 2016.

23. Материалы к истории Причерноморья в Новое время: сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов. Симферополь, 2016.
24. Медведева И. Таврида. Исторические очерки и рассказы. Л.: Лениздат, 1956.
25. [Михайловский-Данилевский А. И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // Русская старина. 1797. Т. 91. Вып. 7 (Июль). С. 69–102.
26. Мордвинов Н. С. Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. Т. 5. Вып. 2 (Февраль). С. 199–214.
27. Никифоров М. А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(67). С. 38–47.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
29. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Симферополь: Альбатрос, 2017.
30. Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
31. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013.
32. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – пер. пол. XIX вв.). Симферополь, 1984.
33. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: Монография. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
34. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002.
35. Храпунов Н. И. Известия о Крыме и о Крымском ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 579–595.
36. Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.

REFERENCES

1. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta*. St.-Petersburg, Tipografiya II-go otdeleniya E.I.V. Kantseliarii, 1869–1904, Vol. 1–5.
2. Batunskiy M. Islam i russkaya kul'tura XVIII veka. Opyt istoriko-epistemologicheskogo issledovaniya. *Mir islama*, 1999, N 1–2, pp. 191–224.
3. Bekirova G. Problema emigratsiy krims'kikh tatar u rosiys'kiy istorichniy literaturi XIX st. – 30-kh rokiv XX st. *Studia Turkologica. Voronezhskiy tyurkologicheskij sbornik*. 2007, N 4, pp. 37–52.
4. [Vorontsov S. M.] O vyselenii tatar iz Kryma. Vsepoddanneysheye doneseniye general-ad'yutanta knyazyu S. M. Vorontsova. *Russkiy arkhiv*, 1906, N 7, pp. 439–444.
5. Voskresenskiy A. Tatory i zemel'no-ustroitel'nyye komissii v Krymu. *Vestnik Tavricheskogo Zemstva*, 1904, N 6, pp. 39–56; N 7–8, pp. 24–49.
6. Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2003.

7. Ena V. G., Ena A. I., Ena A. N. *Otkryvateli zemli Krymskoy*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007.
8. Zavadovskiy A. G. *Sto let zhizni Tavridy*. Simferopol, Tavr. Gub. tip., 1885.
9. Zorin A. L. Vol'ter i vostochnaya politika Ekateriny II. *Vol'ter i Rossiya*. Moscow, Naslediye Publ., 1999, pp. 106–116.
10. Zorin A. «Kormya dvuglavogo orla...». *Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004.
11. Ikonnikov V. S. *Graf N. S. Mordvinov. Istoricheskaya monografiya*. St.-Petersburg, Tipografiya i litografiya A. Transhelya, 1878.
12. Klyuchevskiy V. O. *Sobraniye sochineniy v 9 t. T. 5: Kurs russkoy istorii*. Moscow, Mysl' Publ., 1989.
13. Konkin D. V. Zakonodatel'noye oformleniye zemel'noy sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, Vol. XII, Part 2, pp. 627–640.
14. Konkin D. V. Nekotoryye aspekty zemel'nykh otnosheniy v Krymu v poslednem desyatiletii XVIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2007, Vol. XIII, pp. 483–501.
15. Konkin D. V. Ekonomicheskiye «otkrytiya» v Krymu v rabotakh V. F. Zuyeva i K. I. Gablitsa: «defekt opisaniya». *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2017, Vol. 16, № 3, pp. 378–399.
16. Konkin D. V. Ekonomicheskiye «otkrytiya» akademika P. S. Pallas v Krymu: «defekt opisaniya». *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, Vol. XXII, pp. 448–456.
17. Yurasov A.V. (Ed.). *Krym: problemy istorii. Sbornik statey*. Moscow, Indrik Publ., 2016.
18. Lashkov F. F. Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya. (Prodolzheniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1896, N 24, pp. 35–71.
19. Lashkov F. F. Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya. (Okonchaniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1896, N 25, pp. 29–88.
20. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladieniya. (Prodolzheniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1896, N 25, pp. 89–158.
21. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladieniya. (Okonchaniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1897, N 26, pp. 24–154.
22. Mal'gin A. V. «Pokoren'ye Kryma» 1768–1774. Simferopol, Sonat Publ., 2016.
23. Konkin D. V., Khrapunov N. I. (Ed.). *Materialy k istorii Prichernomor'ya v Novoye vremya: sb. nauch. st.* Simferopol, 2016.
24. Medvedeva I. *Tavrida. Istoricheskiye ocherki i rasskazy*. Leningrad, Lenizdat, 1956.
25. [Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I.] Iz vospominaniy Mikhaylovskogo-Danilevskogo. 1818 g. Ch. I–III. *Russkaya starina*, 1897, Vol. 91, Part 7, pp. 69–102.
26. Mordvinov N. S. Mneniye otnositel'no Kryma. *Russkaya starina*, 1872, Vol. 5, Part 2, pp. 199–214.
27. Nikiforov M. A. O problemakh integratsii Kryma v sostav Rossiyskoy imperii v pravleniye Ekateriny II. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, 2015, N 1(67), pp. 38–47.
28. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye*. St.-Petersburg, 1830.
29. Khrapunov N. I., Konkin D. V. (Ed.). *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825*. Simferopol, Al'batros Publ., 2017.
30. Proskurina V. *Imperiya pera Ekateriny II: literatura kak politika*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017.
31. Russo J.-J. *Politicheskiye sochineniya*. St.-Petersburg, Rostok Publ., 2013.

32. Sekirinskiy S. A. *Agrarnyye otnosheniya v Krymu v period pozdnego feodalizma (XVI – per. pol. XIX vv.)*. Simferopol, 1984.
33. Taki V. *Tsar' i sultan. Osmanskaya imperiya glazami rossiyan*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017.
34. Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2002.
35. Khrapunov N. I. *Izvestiya o Kryme i o Krymskom khanstve, sobrannyye Uil'yamom Tukom v 1785 g. Zolotoordynskoye obozreniye*, 2018, Vol. 6, N 3, pp. 579–595.
36. Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2002, Vol. 3, N 1, pp. 3–25.

D. V. KONKIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

RUSSIAN LANDOWNERS IN THE CRIMEA (LATE EIGHTEENTH AND EARLY NINETEENTH CENTURY): NEW PERSONS SHARING OLD VIEWS

Abstract: Following the Crimea's joining Russia, there appeared varied reciprocal pretensions between the Russian landowners and local Moslem population concerning the land-ownership right, limits of land possessions, and the possibility of their use. The solving of disputes about land ownership uncovered Russian landowners' various phobias and prejudices concerning Crimean Tatars. However, the solutions made by the Russian authorities did not support the anti-Tatar position held by some of the new-coming to the Crimea landowners. The general conclusion is that conflicts between the traditional Crimean populations and the Russian land-owners in the late eighteenth and early nineteenth centuries primarily had an economical base and were transferred to the sphere of confession and ethnicity only when searching for additional arguments. The Russian landowners' anti-Tatar discourse was mainly a way to convince the government that disputable properties should be secured for them, and, practically, did not influence the final solutions from the imperial authorities.

Keywords: Russian Empire, Crimean Tatars, land relations, Russian landlords.

Д. А. ПРОХОРОВ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

КАРАИМСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ФЕОДОСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Аннотация: В статье рассмотрена история развития традиционных этноконфессиональных караимских учебных заведений, существовавших в Феодосии во второй половине XIX – начале XX вв. Выяснено, что мероприятия, проводимые учебным ведомством, были направлены на распространение образования среди самых широких слоев «инородческого» населения полуострова; через караимские учебные заведения активно пропагандировались русский язык и русская культура. Целенаправленная деятельность прогрессивных педагогов и учебного ведомства по модернизации системы караимского образования способствовала тому, что в городах губернии возникла разветвленная сеть учебных заведений для караимской молодежи.

Ключевые слова: караимы, народное образование, просветительство, Феодосия, Крым, Российская империя.

В 1848 г. согласно сведениям, приведенным в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», в Таврической губернии проживало 3400 караимов; в городах действовало 15 караимских училищ, в которых обучалось 470 человек. По этому показателю караимы находились на втором месте после немцев-меннонитов, чьи колонии были созданы в Крыму после присоединения его к России [1, с. 104, 205]. В Феодосии в указанный период существовало одно училище при местной кенасе, при котором состоял один учитель (газзан Исаак Самуилович, шамаш – Исаак Кефели), и обучалось 45 учеников [12, с. 230; 1, с. 209]. В 1861 г., по данным Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), в городах Российской империи проживало 6026 караимов мужского и женского пола, а в Таврической губернии их насчитывалось 4957 человек [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 87]. Всего в это время в си-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».